

УДК 808.2–3

**АНТРОПОНИМНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ:
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИМЕННИКЕ****Т.В. СКРЕБНЁВА***(Витебский государственный университет им. П.М. Машерова)*

Рассматривается ряд проблемных вопросов теории антропонимной вариативности в их проекции на региональный городской именник широкого хронологического среза (40-е – 90-е годы XX века).

Важнейшей перспективой углубления теории антропонимной вариативности является ее связь с проблемным полем «апеллятивной» лингвистики, а также с современными исследованиями по семантике и прагматике собственного имени, в частности, с идеями о функциональной и семантической негомогенности антропонимии. Исследователи антропонимии нередко сравнивают имена с зеркалом социальной истории народа. Функционирование именной формы всегда обусловлено социолингвистически. Так, сельскому антропонимикону в отличие от городского более свойственно просторечие, морфологические варианты имен и гиперкорректные формы как стремление к грамотной передаче личного имени.

Своеобразие региональных предпочтений ономата, проявляющееся как в частотности конкретных антропонимных единиц, так и в продуктивности их вариантов особенно заметно при сопоставлении локального материала с данными исследователей по именованным системам других городов и государств.

Введение. Вопрос о вариативности, т.е. разграничении парадигматических связей слова и словоформы, в целом решенный для «апеллятивной» лингвистики, в антропонимике, видимо, долго еще будет оставаться дискуссионным в силу специфики ментального восприятия имени носителями конкретного языка. Вариативность как объективное следствие языковой эволюции неизбежно рассматривается при решении широчайшего спектра антропонимических проблем, выступает предметом изучения в специальных монографических [1] и диссертационных [2] исследованиях. Тем не менее даже при понимании большинством исследователей объективного характера варьирования в современных антропонимических работах все еще встречается и альтернативная его оценка. Так, В.В. Анисимова считает «недостатком, характерным для всей русской антропонимики» [3, с. 15], использование в качестве официальных имен гипокористик (*Саша, Лена, Вика*), словообразовательных цепочек (*Данил – Даниил – Данила, Яна – Янина*), а также вариантов, различающихся одной-двумя буквами (типа *Наталья/Наталия*). Последняя часть приведенного утверждения представляется спорной, поскольку требования абсолютной инвариантности норм уже давно признаны не соответствующими современному состоянию русского литературного языка. Конкуренция вариантов антропонимных единиц, регламентированная в официально-деловом стиле некоторыми юридическими факторами, во многом обуславливается экстралингвистически: существованием моды на имена; особенностью восприятия звуков в связи с какими-либо смыслами (работы А.П. Журавлева, В.А. Ивашко, Л.П. Крысина); принятой в определенной культуре «концепцией личного имени» (термин А.В. Суперанской [4, с. 27]) и др. Так, в православной традиции неизбывной составляющей семантики канонического имени является сакральное значение, основанное на признании имени идеей, выражающей некоторую духовную сущность, которая наиболее ярко воплощена в образе святого. Использование для наречения церковных форм календарных имен (*Даниил, Наталия*) может быть связано с актуализацией сакральной семантики, стремлением к полному созвучию с именем святого – небесного покровителя. Следовательно, унификация церковных форм с соответствующими светскими (*Данил, Данила; Наталья*) при их несовпадении необоснованна. Всего лишь удвоенными согласными различаются орфографические варианты *Савва* (православные святцы) и *Сава* (старообрядческие), однако это имеет огромное духовное значение для носителей старообрядческой культуры, не принявшей никоновскую «справу книг церковных».

Вариативность возможна на разных уровнях антропонимной системы: фонетическом, фонологическом, орфографическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом. Учитывая специфику анализируемого материала (актовые записи о рождении г. Витебска и Витебского района), сузим круг исследования и определим в качестве его цели рассмотрение теоретических проблем варьирования личных имен в их проекции на региональный городской именник широкого хронологического среза (40-е – 90-е годы XX века).

Основная часть. Понятие вариативности в лингвистических исследованиях коррелирует с понятиями формы / содержания, парадигмы, номинативной эквивалентности. В силу многозначности термина «форма» и его достаточно свободного употребления по отношению к неоднородным явлениям (различаются, например, полные и сокращенные формы имен; церковная, народная и литературная формы ка-

лендарных имен; разнообразные формы субъективной оценки), он нередко синонимизируется с термином «вариант имени». Отождествляя вышеуказанные термины, Н.В. Подольская дефинирует их как «видоизменение имени или любого элемента его структуры (фонемы, морфемы, лексемы) в различных языковых ситуациях» [5, с. 43 – 44]. Выделяемые в «Словаре русской ономастической терминологии» типы вариантных форм имен – официальный / бытовой, литературный / диалектный, стилистические, транскрипционные и др., – по справедливому замечанию С.Н. Смольникова, не могут быть сведены в однородный по составу ряд, вместе с вариантами одного антропонима включают разные слова (к примеру, лит. *Ксения* – диал. *Аксинья*; стилист. *Георгий* – *Юра*... – *Жорж*...) либо связаны достаточно опосредованными деривационными отношениями (офиц. *Дмитрий* – быт. *Митяга*) [6, с. 42]. Несмотря на разнообразие форм (вариантов) имени, они не учитываются при определении понятия «парадигма имени», поскольку в названном словаре выделяется только два типа парадигм: словоизменяющая (морфологическая) и словообразовательная [5, с. 103 – 104]. Таким образом, недифференцированное понимание терминов «вариант» и «форма» существенно осложняет проблему различения самостоятельных имен и их вариантов, разграничения слово- и формообразования применительно к антропонимной лексике, вследствие чего в научный обиход вводится понятие словообразовательного варианта (Л.Е. Белей, Д.И. Ермолович, Д.Б. Луговой, О.М. Ляшкевич, С.Н. Смольников, в топонимике – З.В. Рубцова и др.).

Среди словообразовательных вариантов личных имен в украинском языке Л.Е. Белей выделяет возникшие вследствие суффиксации (*Павлик, Павлунь, Павлусь, Павлиш* – от *Павло*), усечения (*Дан* – от *Богдан*), комбинации усечения и суффиксации (*Ивахно* – от *Иван, Гася* – от *Гафія*), редупликации (*Вова* – от *Володя, Нана* – от *Анна*) [2, с. 10], т.е. так называемые гипокористики и формы субъективной оценки. Субъективно-оценочные формы, характерные для существительных, качественных прилагательных и соотносительных с последними по образованию наречий на **-о, -е**, не имеют в современной лингвистике статуса грамматической категории и в связи с этим обычно рассматриваются в рамках конкретных способов словообразования. Так, в «Грамматике современного русского литературного языка» существительные нарицательные и собственные с суффиксами субъективной оценки (*Ульянушка, Настёнка, Ируша, Машута, Васяня, Лидок* и под.) и стилистической модификации (*Танька, Митюха, Игорёха, Кат[енци]а*) [7, с. 125 – 141] представлены как словообразовательные модификаты. Доказательствами «самостоятельности» эмоционально-оценочных форм имен Е.Ф. Данилина считает их деривационную производность по отношению к другим формам имени; модификацию семантики, обычно определяемую суффиксом (мелиоративное или пейоративное значение); социально-оценочные и функциональные свойства (принадлежность антропонимов к разным микросистемам: литературной и диалектной или двум диалектным (*Сашка* – *Санча, Гриша* – *Грихно, Генша* – *Гендос*)) [8, с. 9 – 10]. В противоположность предыдущему взгляду, О.Д. Митрофанова рассматривает эмоционально-оценочные имена как результат формообразования: «Имена, например, Васенька от Василий, Машенька от Мария, Анюточка от Анна, несомненно, являются формами слов, а не новыми словами, так как указанные пары используются для наименования одного и того же лица, но первые из них (Васенька, Машенька, Анюточка) включают в себя и момент оценочный, передают определенное чувство, которое испытывает говорящий» [9, с. 5].

Многие известные исследователи (Н.В. Бирилло, К.С. Горбачевич, И.Я. Лепешев, Ф.П. Филин, Н.М. Шанский), внесшие весомый вклад в развитие русской и белорусской лингвистической науки, отмечают, однако, неправомерность выделения рассматриваемого типа вариативности, поскольку оно связано с нарушением принципа тождества слова [10, с. 63].

Уточнению некоторых спорных вопросов современной теории ономастической вариантности может способствовать рассмотрение их через призму семантической и функциональной негомогенности антропонимии. Мысль о семантической и функциональной неоднородности антропонимной системы неоднократно поднималась в работах В.Д. Бондалетова, А. Гардинера (оппозиция «**воплощенных**» / «**развоплощенных**» имен собственных), Д.И. Ермоловича (**единичные** / **множественные** антропонимы), М.А. Кронгауза («**воплощенные**» / «**невоплощенные**» имена), С.В. Перкаса, М.Э. Рут («**антропонимы вообще**» / «**личные имена**»), А.В. Суперанской (**пассивные потенциальные, активные реальные, активные потенциальные антропонимы**), Л.Д. Чесноковой (**общие** / **индивидуальные** собственные имена), Л.М. Щетинина (**индивидуальная номеносфера** / **номеносфера языкового коллектива**). Разграничивая два типа антропонимов и предлагая для них разные терминологические обозначения, исследователи обращают внимание на следующие их признаки: языковой / речевой характер, семантическую специфику, наличие / отсутствие или единичность / множественность референции, определенность / неопределенность номинации, отношение к общенародному языку, степень известности и «общественной» воспроизводимости, специфику переносного употребления. Противопоставляя в языке систему **актуальных** (конкретно-референтных) и **потенциальных** антропонимов, С.Н. Смольников приводит обстоятельный обзор разных научных источников, что освобождает от необходимости их детального переказа [6, с. 19 – 30]. Концепция потенциальности имени в понимании С.Н. Смольникова созвучна с идеями функциональной грамматики, поскольку приоритетным критерием определения потенциальности

имени избирается степень реализации функций, предписанных ему языком. Отсутствие номинативной функции и конкретно-референтной отнесенности, свойственное потенциальным антропонимам, обуславливает выдвигание на первый план в семантической структуре таких слов модального компонента значения («...*имя Иван* может носить любой русский человек, но в действительности не каждый русский человек носит *имя Иван*» [6, с. 32]), тогда как в семантике актуальных антропонимов (царь *Филипп*, поэт *Пушкин*) вне зависимости от контекста доминирует индивидуализирующий компонент.

В силу размытости границ между потенциальной и актуальной антропонимией не всегда возможна однозначная классификация совокупности антропонимных единиц, содержащихся в специфических ономастических текстах, к примеру, актовых записях о рождении. Личное имя, юридически закрепленное за индивидом в записи о рождении как конкретное именование конкретного лица, для исследователя, работника архива «развоплощено», отстранено от денотата, не вызывает актуальных представлений об отличительных свойствах именуемого по банальной причине незнания ими друг друга. Возможно, это свидетельствует о положении данной группы имен в рамках функционального поля потенциальной антропонимии.

Системная организация актуальной антропонимии реализуется в совокупности номинативных рядов, соотносимых с разными денотатами. Номинативный ряд включает средства индивидуальной номинации с общим референтным значением и отражает широкие возможности варьирования антропонимных единиц. Подчиняясь юридическим нормам, в официальных документах любой компонент триединой формулы именования (личное имя, отчество, фамилия) каждого конкретного человека требует стабильного, единообразного написания, то есть в идеале исключает варьирование.

Однако на потенциальном уровне, к которому мы условно отнесли региональный репертуар имен, зафиксированный в официальной сфере употребления, вариативность, юридически ограниченная, все же находит отражение, ибо, как справедливо заметила А.В. Суперанская, «начиная с глубокой древности наши «живые имена» существуют в многочисленных вариантах, и нельзя каждый такой вариант (*Наталия, Наталья, Наташа, Ната, Натуся, Туся*) считать отдельным самостоятельным именем» [11, с. 304].

Степень распространенности в официальном именослове номинативно эквивалентных вариантов антропонимов во многом зависит от временного фактора. Во-первых, при анализе локальной антропонимной системы в динамике наряду с одновременными можно выделить разновременные варианты одних имен, вызванные к жизни различными внутри- и внеязыковыми причинами: развитием языковой нормы, становлением правил орфографической передачи заимствованных имен, спецификой общественно-политической и духовной реальности и др. Во-вторых, на современном историческом этапе антропонимная вариантность в городском региональном именнике более характерна для периода Великой Отечественной войны и первого послевоенного десятилетия, когда вопрос о грамотности административных работников был закономерно отодвинут на второй план.

В 40 – 50-е годы XX века повышенной продуктивностью отличались орфографические варианты, связанные с удвоенными написаниями гласных и согласных; определенная часть из них вызвана к жизни билингвизмом: **1941 – 44 гг.:** *Жанета, Ларисса / Лариса, Инеса, Ивета, Ривека, Гецадий, Кирид;* **1954 г.:** *Элдеонора, Иниса / Инесса, Симма* ← *Сима* (рус. сокр. к *Серафима*), *Филип, Данил;* **1964 г.:** *Алисса;* **1974 г.:** не зафиксировано; **1984, 1994 гг.:** *Даниил, Кристианна.*

В единичных случаях орфографическое варьирование наблюдается при написании ударных гласных *-е / -э* в двусложных заимствованных женских именах: *Белла / Бэлла, Нелли / Нэлли* (1954 г.); в мужском имени *Ренат / Рэнат* (1984 г.).

К 60-м годам сокращается употребительность фонетических вариантов личных имен. Основную их часть составляют так называемые фонетические написания, отражающие:

а) «аканье», «яканье» в произношении имен: *Ефрасиния, Ницнила, Сафоний, Валярьян, Алимтий, Ераслав* (1941 – 44гг.); *Палина* (1954 г.); *Аксана / Оксана* (1964, 1974 гг.); *Лалита* (1974 г.); *Алеся / Олеся* (1974, 1984, 1994 гг.); *Тамила, Альгерд* (1994 г., ср. бел. *Альгерд*);

б) «иканье»: *Вицеслав, Ривека, Ницнила* (1941 – 44 гг.);

в) «дзеканье»: *Владзимир* (1941 – 44 гг.);

г) оглушение согласных на конце слова: *Леонид / Леонит* (1941 – 44 гг.);

д) замену звука /ф/ на /х/: *Сахон* (1941 – 44 г.) ← *Софон*;

е) замену /м/ на /н/: *Нифодий* (1941 – 44 г.) ← возможно, от *Мефодий*;

ж) замену начального /е/ на /о/: *Овсей* (1954 г.) ← *Евсей*;

з) замену /з/ на /с/: *Тареса* ← *Тереза* (1954 г., также наблюдается диссимилиация гласных звуков; ср. бел. разг. *Тарэса*);

и) замену /е/ на /а/: *Пиман* (1941 – 44 г.) ← *Пимен*.

Небольшое число гиперкорректных форм связано с написанием безударного «о» на месте этимологического «а» в первом предупредительном слоге: *Елизвета* (1941 – 44 гг.), *Лориса* (1941 – 44 , 1964 гг.), *Изобелла* (1954 г.).

Фонематическими вариантами следует считать имена с эпентетическими согласными: *Арсений* (лит., 1994 г.) / *Арсенций* (разг., 1994 г.); церковные и литературные варианты имени, различающиеся одной буквой в середине слова: *Дмитрий* (1994 г., украинно-белорусская семья, родители с высшим образованием, отец – директор фирмы, мать безработная) / *Дмитрий*; женские имена на **-ия** (канонические) / **-ья** (народные формы): *Наталья* / *Наталья*, *София* / *Софья*, *Дария* / *Дарья*; церковные и светские формы имен с варьирующимися начальными **но//о**, обусловленные соответствием норм церковнославянского и русского языка: *Осиф* (1941 – 44 гг.) ← *Иосиф*. Можно предположить, что именной вариант *Осиф*, зарегистрированный в официальном именованном г. Витебска, является специфическим для региона, так как он не нашел отражения у Н.В. Бирилло в обстоятельном перечне вариантов антропонима *Иосиф*, бытующих на белорусской территории [12, с. 72 – 76].

Обращает на себя внимание тот факт, что имя *Арсений* в именнике витеблян употребляется преимущественно в канонической форме (1994 г. – 6 фиксаций; разг. *Арсентий* – 1), тогда как имя *Андреан* на трех годовых срезах, охватывающих 60-е – 80-е годы, зафиксировано только в форме народной (с эпентетическим **н**). Как и все в языке, это не случайно: обратившись к современной фамильной антропонимии г. Витебска [13], находим, что рассматриваемые имена содержатся в основе патронимических фамилий *Андреанов* (её носят 12 абонентов телефонного справочника 1996 года; общее количество абонентов – 69 205), *Арсеньев* – 3 абонента, *Арсентьев* – 2. Фамилий с компонентом *Адриан* не зарегистрировано вообще. В мужском именнике Смоленщины, по данным И.В. Даниловой, напротив, на контрольных срезах 1908, 1918 и 1968 годов в число редких либо единичных входит каноническое имя *Адриан* [14, с. 143, 146, 171]. Таким образом, своеобразие региональных предпочтений ономастата последовательно проявляется в структуре имени, функционирование той или иной именной формы нередко имеет под собой социолингвистическую основу. В свете вышесказанного нельзя не упомянуть и о большей продуктивности в антропонимиконе витеблян белорусской именной формы *Алеся* ← *Александра* по сравнению с украинской *Олеся*, преобладающей в антропонимиконе жителей Смоленщины (возможно, по аналогии с именем *Оксана*) [14, с. 191]. Конкуренция вариантов *Алеся* / *Олеся* представлена в таблице 1.

Таблица 1

Конкуренция именных форм *Алеся* / *Олеся* в Витебском антропонимиконе (количество употреблений)

Форма имени	1974 г.	1984 г.	1994 г.
Алеся	9	32	6
Олеся	1	2	1

Под влиянием канонических имен *Агафия*, *Наталья*, *София*, *Мария* и других в региональном именнике наряду с литературной формой *Прасковья* появляется гиперкорректная форма *Прасковия* (1941 – 44 гг.; церк. *Параскева*). Среди зафиксированных женских имен с варьирующейся финалью **-ия** / **-ья** народные формы на **-ья** в целом более продуктивны. Постепенное вытеснение канонических антропонимов народными вариантами на **-ья** ярко прослеживается на примере имени *Наталья* / *Наталья* (табл. 2).

Таблица 2

Конкуренция именных форм *Наталья* / *Наталья* в Витебском антропонимиконе (количество употреблений)

Форма имени	1941 – 44 гг.	1954 г.	1964 г.	1974 г.	1984 г.	1994 г.
Наталья	5	23	3	1	1	2
Наталья	1	68	127	298	144	40

В 40-е – 50-е годы вариант *Наталья* в силу значительной распространенности использовался для имяназачения в разных социальных слоях. Резко теряя в употребительности с 1964 года, он становится характерным для семей, где хотя бы один из родителей в силу профессиональной принадлежности (инженер, преподаватель, учитель, врач) может быть отнесен к интеллигенции. «Книжность» церковной формы имени *Наталья* в сельской местности, наверное, изначально ощущалась более остро, что привело к абсолютному отсутствию указанной формы в именнике жителей Витебского района в период ее максимальной продуктивности среди горожан (1944, 1954 гг.).

Случаи параллельного употребления морфологических вариантов личных имен в городском антропонимиконе немногочисленны. Отмеченные морфологические варианты возникли в результате утраты именем конечного слога **-ий**: *Василь* (1941 – 44 гг., родители – белорусы, столяры Западной железной доро-

ги) / *Василий*, *Сахон* / *Сафоний* (1941 – 44 гг.), *Артемий* (1994 г.) / *Артём*, *Арсений* / *Арсен* (1984, 1994 гг., используется только в армянских семьях); замены конечного слога **-ий** на **-ей**: *Савелий* / *Савелей* (обе формы 1954 г.); гиперкорректной замены финали **-а** на **-ья** в церковной форме женского имени *Христина*: *Христинья* (1941 – 44 гг.) / *Христина* (1994 г.).

Не ставя своей задачей анализ всех фонетических, морфологических и других изменений традиционных церковных имен в региональном именовании, что, безусловно, важно с точки зрения исторической антропонимики, и было впервые осуществлено на общеполорусском материале Н.В. Бирилло, а на витебском – А.М. Мезенко и О.М. Ляшкевич, критерием для рассмотрения тех или иных вариантов выберем их параллельное употребление в современном именнике (в том числе на разных контрольных срезах) либо отклонение в написании от кодифицированных нормативных форм антропонимов.

Сопоставление вариативности в официальном именнике жителей г. Витебска и Витебского района в периоды её максимальной представленности (1941 – 44 и 1954 гг.) позволяет констатировать большую распространенность в сельской среде гиперкорректных написаний, связанных с передачей безударного «о» на месте нормативного «а»: *Лориса*, *Елизавета*, *Голна*, *Томара*, *Екатерина*, *Владимир*, *Анатолий* и морфологических вариантов антропонимов: *Марья*, *Петро*, *Василий* / *Василей* / *Василь*, *Валерий* / *Валерей*, *Григорий* / *Григори*. Среди фонетических вариантов для села специфическими являются единичные именны формы *Райса*, *Тайса*, *Зинайда*, образованные от имен *Раиса*, *Таиса*, *Зинаида* путем замены ударной гласной <и> на согласный <й> в сочетании гласных **-аи**. Фонетические написания, отмеченные только в сельской местности, связаны с упрощением группы согласных /жд/ → /ж/ (*Надежда* ← *Надежда*; ср. с древнерусской формой *Надежа*); появлением вставного гласного /а/ для ликвидации сочетания согласных в закрытом конечном слоге: *Пётар* ← *Пётр*; произношением в конце слова согласного губного мягкого звука /ф'/ как твердого /ф/: *Любовь* / *Любог*; передачей твердого согласного /р/ как непарного по мягкости с использованием специфических средств белорусской графики (апострофа): *Валер'ян*. Имена *Дина*, *Юлиан* в 1944 году зарегистрированы в соответствии с белорусской орфографией: *Дзіна*, *Юльян*, а парные имена *Александр*, *Александра* (в том числе в составе отчества) переданы в сокращенном написании как *Ал-др*, *Ал-дра* (отчество – *Ал-дрович*). Возможно, подобные сокращения в официальных документах связаны с длиной имен, однако не менее длинные имена *Константин*, *Станислав*, *Владислав*, *Аполлинарий* и др. не подвергались подобным орфографическим модификациям. Такие антропонимные варианты могли возникнуть только с опорой на общественное знание их взаимной соотношенности в связи с повышенной распространенностью имени *Александр* (а по аналогии и у женского имени *Александра*).

При разграничении номинативно эквивалентных вариантов антропонима и разных антропонимов мы опирались на рекомендательные правила, сформулированные А.В. Суперанской и А.В. Сусловой еще в 1985 году [15, с. 214 – 216] и, несомненно, требующие детализации на современном этапе развития ономастической науки. Если следовать логике данных условных правил, имена *Александр* и *Лександр* (1941 – 44 гг.) следует считать разными, поскольку они отличаются начальными буквами, подобно именам *Екатерина* и *Катерина* (1941 – 44, 1994 гг.), *Анастасия* и *Настасия* (1941 – 44 гг.), *Ирина* и *Арина* (1984, 1994 гг.). Тем не менее имя *Лександр* в ряду антропонимов с усечением инициальных букв оценивается как просторечное, а не разговорное и, следовательно, не способно выступать самостоятельным документальным эквивалентом личного имени *Александр*, рассматривается нами как фонетический вариант нормативного антропонима.

Если неукоснительно следовать формальным требованиям, то необходимо с одинаковых позиций подвергать анализу имена *Дзіна*, *Юльян* (1944 – 1954 гг., Витебский район) и *Сяргей*, *Викторыя* (оба 1974 г., г. Витебск), *Витаўт* (1994 г., г. Витебск). Однако если первые из них единично зафиксированы в «белорусскоязычном» варианте на более раннем этапе (в годы Великой Отечественной войны) и могут быть условно расценены как написания в соответствии с произношением, то *Сяргей* и *Викторыя* проникли в региональный именник в результате сознательной смены референтами этимологически тождественных русскоязычных имен в 2001 году (в возрасте 27 лет) в семьях белорусской интеллигенции, причем у имянносителя-мужчины была транспонирована и фамилия в соответствии с нормами белорусского языка (*Белязека* ← *Белезеко*). Имя *Витаўт*, присвоенное новорожденному мальчику в 1994 году, также в среде белорусской интеллигенции (отец – ассистент Витебского педагогического института им. С.М. Кирова, мать – воспитатель), – это своеобразный символ пробуждения национального самосознания белорусов в начале 90-х годов XX века.

Таким образом, имена *Сяргей*, *Викторыя*, *Витаўт* будем рассматривать как самостоятельные антропонимные единицы, хотя их «белорусизированная» форма и представляется лингвистически нецелесообразной, так как в составе полной триединой формулы именованного человека в русскоязычной фиксации вступает в диссонанс с фамилией и / или отчеством (к примеру, *Белязека Сяргей Викторович*). Имена же *Викторыя* и *Витаўт*, отражая белорусское произношение, имеют явные отклонения как от графики белорусского, так и от графики русского языка.

С точки зрения современной юридической практики разными именами являются полные формы и образованные от них гипокористики, если они употребляются в качестве документальных имен. Наибольшую продуктивность гипокористики получили в женском именнике 40-х – 50-х годов, когда их количество достигало соответственно **13-ти** и **8-ми** единиц (сравним: 1964 год – **1**; 1974, 1984 – по **2**; 1994 – **3**). В 40-е годы основная масса сокращенных форм имела мягкую основу (**8** единиц: *Леля, Тоня, Люся, Маланя, Лиля, Аля, Геля, Нэля*). В 50-е годы зафиксировано уже только **3** имени-гипокористики с мягкой основой (*Нэля, Люся, Броня*), преимущественное распространение получают «твердые» формы (*Таиса, Мина, Ксана, Симма, Лора* ← *Лариса* либо аббревиатура из первых букв словосочетания *Ленин и Октябрьская революция*). Антропонимный материал 60 – 70-х годов демонстрирует абсолютное употребление «твердых» форм (*Рита, Сана*), а 80-х – их равное количество с «мягкими» (*Вита, Ася*). В мужском именнике за весь шестидесятилетний период его развития на контрольных срезах обнаружено всего 2 сокращенных имени: *Алик, Макс* (оба с основой на твердый согласный, 1954 г.). Понимая всю условность предлагаемого объяснения, отметим, что подобная диспропорция в числе мужских и женских гипокористических имен может быть связана с нормами традиционной маскулинности и фемининности. Базисными для традиционного мужского стереотипа исследователи называют три основных фактора: «... статус (потребность в достижении успеха и уважении других), твердость, непоколебимость (внутренняя сила и уверенность в себе), отрицание фемининности...» [16, с. 166]. Полные имена, включающие в свой семантический инвариант компонент серьезный («я хочу говорить с тобой так, как не говорят с детьми...»), маркированные формы) либо квазисерьезный («я не хочу говорить с тобой так, как говорят с детьми», немаркированные формы) [17, с. 111 – 112], в официальном контексте полностью вписываются в стереотип маскулинности, поскольку они не маркируют близость. Семантический же инвариант кратких основ включает отсылку к детям, а их мягких форм – еще и отсылку к хорошим чувствам, что, думается, нехарактерно для именованной мужчины в официальной ситуации, так как противоречит стереотипным маскулинным свойствам: мужчины «никогда не плачут» и «почти всегда действуют как лидеры» [16, с. 167]. Аналогично истолковывается тенденция к возрастанию употребительности твердых кратких форм женских имен: по справедливому замечанию А. Вежбицкой, они «ближе к немаркированным полным именам» [17, с. 114], в отличие от мягких форм, не ассоциируются с «мягкими», теплыми семейными терминами (типа *тётя, дядя, няня*). Отдельно следует рассматривать сокращенные имена *Надя* ← *Надежда*, *Молли* (англ. сокр. к *Мери*; оба 1994 г.), присвоенные детям в семьях иностранных усыновителей (граждан США) и по сути ориентированные на специфику иной антропонимной системы.

По сравнению с городом, в сельской местности гипокористические личные именованья распространены минимально и на трех срезах, охватывающих 40-е – 60-е годы, в сумме с экспрессивной суффиксальной формой *Марфуша* составляют **7** единиц: *Люба, Алекс, Наташа, Рита, Лена, Гера* ← от муж. *Герман, Герасим, Георгий* и др.

О том, что людям не всегда комфортно живется в обществе с таким непривычным сокращенным именем вместо полного, свидетельствуют случаи его юридической перемены. Например, в 1966 году в Октябрьском сельсовете Витебского района родители (белорусы, отец – тракторист, мать – рабочая) инициировали перемену имени своей двухлетней дочери *Елены* (первоначально – *Лена*). В 1991 году у 17-летней витеблянки *Риты* (отец – экскаваторщик, мать – продавец; белорусы) в записи о рождении имя изменено на *Маргарита* и др.

В соответствии с узким пониманием вариантности в современном языкознании антропонимные варианты можно рассматривать как модификацию некоторого эталона (нормы) или отклонение от него [18, с. 80 – 81]. Широкое понимание вариантности как фундаментального свойства функционирования всех единиц языка вводит в антропонимику общие принципы теории вариантности-инвариантности, первоначально утвержденные в фонологии после работ Пражского лингвистического кружка.

Инвариант – сокращенное название класса однородных объектов, образуемого вариантами [18, с. 81]. В приложении к строю парадигматического ряда соотношение понятий варианта и инварианта было подробно рассмотрено М.Я. Блохом, схематически представившим элементарный парадигматический ряд в виде «нелинейного» объединения двух явно или неявно выраженных формативных синтагм ($A + X_1$) / ($A + X_2$), где A – общая (инвариантная) величина, выделяющая ряд в составе некоторой более широкой, включающей системы, а X_1, X_2 – функциональные модификаторы, организующие внутренний строй ряда [19, с. 31 – 34].

По мысли Р.О. Якобсона, дихотомия вариативности / инвариантности нерасторжимо связана с маркированностью / немаркированностью знаковых единиц [20, с. 5, 8]. К сфере антропонимики, где круг стандартных полных паспортных имен семантически неоднороден, включает в себя, по А. Вежбицкой, как маркированные (*Константин, Николай, Наталья*), так и немаркированные (*Андрей, Игорь, Вера*) формы [17]. Подобное утверждение вряд ли приложимо в такой же степени, как к грамматическим формам или «апеллятивным» словам.

Традиционно при идентификации человека основной считается полная паспортная (документальная, официальная) форма личного имени, выступающая, на наш взгляд, инвариантом в системе актуальной антропонимии. Тем не менее, как убедительно свидетельствуют региональные исследования, в акты-вые записи попадали и продолжают попадать стилистически и лингвистически разные антропонимные единицы, в том числе этимологически тождественные, с некорректной орфографией, поэтому способность паспортного имени без ограничений выступать инвариантом, синтезирующим всевозможные потенциальные именные формы, вызывает сомнения.

Начало ономастической кодификации на Руси обычно связывается с принятием списка христианских имен. А.В. Суперанская на примере миней XI – XIII веков показывает отсутствие четкой формальной кодификации традиционного круга имен, что находит преломление в двойных написаниях некоторых имен, осложняет различение мужских и женских имен, восстановление формы именительного падежа из косвенных падежей [21 с. 77 – 79]. Значит, церковнославянская форма агнонимов, в которой они впервые проникли в восточнославянский именованослов, также не может последовательно выступать как классификационное средство упорядочения потенциального антропонимного материала. Кроме того, в православном церковном календаре [22] содержится целый ряд этимологически тождественных канонических имен, закрепленных за разными святыми и функционирующих как разные антропонимные единицы: *Авраам / Авраамий / Авраамий, Артема / Артемий, Зинон / Зенон, Исаак / Исаакий / Исакий, Николай / Никола* и др., выбор «наиболее общего» между которыми некорректен. Отметим, что в функциональной системе актуальных антропонимов подобное противоречие снимается крещением каждого конкретного человека и определением церковной формы имени, связывающей крещаемого с определенным одноименным святым. В «Современном словаре личных имен» А.В. Суперанской, где скупулезно отмечены русские церковные формы имен [23], подобные фонематические / транскрипционные / морфологические модификации агнонимов рассматриваются в пределах одной словарной статьи.

Возможно, в системе потенциальной антропонимии поиск инварианта следует связывать с нормативностью и частотностью употребления варьируемых (в современном понимании) личных имен на широком хронологическом срезе, объединяя существующие варианты на основе значимости именной формы в системе форм, конституирующих вариантный ряд.

Заключение. Многие из проблемных вопросов антропонимной вариативности, ставившихся исследователями еще на начальных этапах развития ономастической науки, не нашли однозначного решения, начиная с терминологических неточностей, неопределенности статуса экспрессивных форм и отсутствия единого подхода к классификации вариантов и заканчивая необходимостью дальнейшей корректировки рекомендательных правил соотношения вариантов имен. Важнейшей перспективой углубления теории антропонимной вариативности является ее связь с проблемным полем «аппеллятивной» лингвистики, а также с современными исследованиями по семантике и прагматике собственного имени, в частности, с идеями о функциональной и семантической негомогенности антропонимии.

Повышенная распространенность вариантов личных имен (в том числе противоречащих требованиям нормы) в официальном городском антропонимиконе приходится на 40-е – 50-е годы XX века, что во многом обусловлено недостаточной образованностью административных кадров. В 90-е годы варианты, как правило, не выходят за пределы нормы и связаны с использованием вошедших в литературной употребление церковной либо светской формы имени (*Арсений / Арсентий, Наталья / Наталия, Дмитрий / Димитрий* и под.).

Исследователи антропонимии нередко сравнивают имена с зеркалом социальной истории народа. Функционирование именной формы всегда обусловлено социолингвистически. Так, сельскому антропонимикону в отличие от городского более свойственно просторечие, морфологические варианты имен и гиперкорректные формы как стремление к грамотной передаче личного имени.

Своеобразие региональных предпочтений ономата, проявляющееся как в частотности конкретных антропонимных единиц, так и в продуктивности их вариантов, особенно заметно при сопоставлении локального материала с данными исследователей по именованословным системам других городов и государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суперанская, А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология) / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1969. – 207 с.
2. Белей, Л.Е. Вариантность антропонимов на разных уровнях украинского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Е. Белей; Ужгородский гос. ун-т. – Ужгород, 1986. – 23 с.
3. Анисимова, В.В. Развитие антропонимики в современном русском языке (на примере личных имен): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / В.В. Анисимова; Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. – М., 2004. – 22 с.

4. Суперанская, А.В. Эволюция антропонимических систем в русском и ряде других языков / А.В. Суперанская // Ономастика Поволжья. – М., 2001. – С. 27 – 37.
5. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская; отв. ред. А.В. Суперанская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1988. – 192 с.
6. Смольников, С.Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI – XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения / С.Н. Смольников. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 256 с.
7. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
8. Данилина, Е.Ф. Личные официальные и неофициальные имена в современном русском языке (Специфика. Словообразование): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Ф. Данилина; Пензенский гос. пед. ин-т им. В.Г. Белинского. – М., 1970. – 20 с.
9. Митрофанова, О.Д. Личные собственные имена с суффиксами «субъективной оценки» в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Д. Митрофанова; Московский гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. – М., 1958. – 16 с.
10. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка: учеб. пособие / Н.М. Шанский. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1972. – 327 с.
11. Суперанская, А.В. Граждане современной России страдают из-за реформ XVII века / А.В. Суперанская // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики: сб. ст. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 294 – 304.
12. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія (Структура ўласных мужчынскіх імен) / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 320 с.
13. Список абонентов витебской телефонной сети. – Витебск, 1996. – 558 с.
14. Королёва, И.А. Имена на Смоленщине: история и современность: учеб. пособие по спецкурсам «Русская антропонимика», «Имена смолян: прошлое, настоящее, будущее» / И.А. Королёва, И.В. Данилова, А.Н. Соловьёв; отв. ред. И.А. Королёва. – Смоленск: СГПУ, 2005. – 196 с.
15. Сулова, А.В. О русских именах / А.В. Сулова, А.В. Суперанская. – 2-е изд. – Л.: Лениздат, 1985. – 222 с.
16. Митина, О.В. Идеология маскулинности в России: постановка проблемы и экспериментальное исследование / О.В. Митина, А. Касперт, Н.А. Низовских // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 164 – 176.
17. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание: сб. ст.; пер. с англ. / А. Вежбицкая; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. – М.: Рус. слов., 1997. – 411 с.
18. Солнцев, В.М. Вариантность / В.М. Солнцев // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – С. 80 – 81.
19. Блох, М.Я. Теоретические основы грамматики: учебник / М.Я. Блох. – 3-е изд. – М.: Высш. шк., 2002. – 160 с.
20. Бондарко, А.В. Теория инвариантности Р.О. Якобсона и вопрос об общих значениях грамматических форм / А.В. Бондарко // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1996. – № 4.
21. Суперанская, А.В. К вопросу о кодификации личных имен / А.В. Суперанская // Ономастика и грамматика. – М.: Наука, 1981. – С. 74 – 98.
22. Православный церковный календарь 2003. – М., 2002. – С. 117 – 162.
23. Суперанская, А.В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание / А.В. Суперанская. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 384 с.

Поступила 25.09.2007